

Игорь Орлав

Анкета, которую заполнила мама

КодМы

Романтическая комедия

Игорь Орлав

Анкета, которую заполнила мама

<https://litres.ru/74518659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аня идёт на свидание, чтобы извиниться за женщину, которую выдумала её мама. Согласно тайно созданной анкете, она обожает ранние подъёмы и мечтает посвятить себя семье. На деле Аня расписывает вывески, работает ночами и не собирается никому отдавать свою жизнь целиком. У Михаила похожая неприятность: его профиль заполнила старшая сестра. Объединившись против семейной самостоятельности, они рассчитывают быстро вернуть всё на свои места. Но впереди — ужин с родственниками, старый кинотеатр и свидания, о которых хочется договориться уже самим. А ещё вопрос: как полюбить настоящего человека и не начать незаметно его переделывать?

Содержание

1	4
2	11
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Игорь Орлав

Анкета, которую заполнила мама

1

Мужчину мама прислала в четверг, между квитанцией за воду и фотографией кабачка.

«Михаил. Тридцать шесть. Без вредных привычек. Столик на семь».

Аня стояла на стремянке и дорисовывала кондитерской букву «Б». Снизу хозяйка просила сделать её повеселее. Буква уже была жёлтой, с голубой тенью и небольшим облаком сахарной пудры; дальнейшее веселье Аня могла обеспечить только личным падением.

Она спустилась и позвонила матери.

— Что значит «столик на семь»?

— Вечера. Конечно, вечера.

— Кто такой Михаил?

— Очень приличный мужчина. Ты ему понравилась.

Аня посмотрела на себя: рабочая рубашка, колено в жёлтой краске, засохшая капля на переносице. Потом открыла присланную фотографию. Мужчина стоял возле горного озе-

ра, опираясь на палку. Палка выглядела счастливее мужчины.

— Где я ему понравилась?

Мама помолчала ровно столько, чтобы Аня успела поставить банку с краской на пол.

— Я сделала тебе анкету. Ничего особенного. У меня Светлана Фёдоровна так племянницу замуж выдала.

— Мам.

— Не начинай сразу. Я никому твой адрес не давала.

— А что давала?

— Фотографии. Те, хорошие. С Вероникиной свадьбы.

На Вероникиной свадьбе Аню накрасили до состояния собственной благополучной родственницы. Она пробыла в этом виде четыре часа, из которых один провела возле туалета, утешая невестину мать. Фотографии мама любила.

— Переписывалась тоже ты?

— Всего шесть дней.

Из кондитерской вышла хозяйка, приложила ладонь козырьком ко лбу и спросила, нельзя ли добавить букве реснички.

— Нельзя, — сказала Аня.

— Почему сразу нельзя? — обиделась мама.

К вечеру Аня закончила вывеску, отмыла переносицу и решила, что хотя бы один человек сегодня должен узнать правду до того, как закажет десерт. Телефона Михаила у неё не было: мама общалась с ним внутри приложения и отказы-

валась отменять встречу. «Напишешь сама, если уж совсем не хочешь», — предложила она, но доступ пообещала дать вечером, когда придёт домой. До встречи оставалось сорок минут.

Аня приехала в кафе голодная, сердитая и в той самой рубашке, поверх которой надела чистый пиджак.

Михаил ждал у окна. Без гор, палки и ветровки он нравился ей значительно больше. У него были усталые карие глаза и маленький пластырь на большом пальце. При её появлении он встал, задел стол коленом и удержал вазочку раньше, чем упала единственная гербера.

— Анна?

— Аня. Я должна сразу вам сказать...

— Да. Я тоже. Но сначала: вам действительно подходит этот ресторан? Тут почти всё мясное.

— Прекрасно подходит.

— А вы разве не...

Она села.

— Что именно я не?

Михаил посмотрел на неё, потом на телефон.

— Не едите мясо.

Подошёл официант. Аня заказала котлету с картошкой.

— Мне такую же, — сказал Михаил. — Только без лука. Он у вас отдельно?

Когда официант ушёл, Аня положила руки на стол.

— Анкету заполнила моя мама. Я узнала об этом сегодня.

Всё, что вы мне писали, читала она. Всё, что писала вам я, — тоже она. Я пришла извиниться лично, потому что не хотела, чтобы вы здесь сидели один.

Он несколько секунд смотрел на её руки. На указательном пальце осталась жёлтая краска.

Потом откинулся на спинку стула и выдохнул с таким облегчением, что она почти обиделась.

— Слава богу.

— Не настолько же всё плохо?

— Я вчера сорок минут читал про рассаду.

— Зачем?

— Вы спросили, как я отношусь к совместному выращиванию томатов. Я решил, это важно. И ещё боялся, что придётся бегать.

— Мне?

— Нам. По утрам.

Аня протянула руку. Михаил развернул к ней телефон.

Ей нравились ранние подъёмы, здоровое питание, тихие семейные вечера и поездки на природу. Она была «мягкой, неконфликтной, умеющей создавать уют» и занималась акварелью «для души». В ближайшие годы хотела сосредоточиться на семье.

— Акварель, — повторила Аня.

Больше всего её почему-то разозлила именно акварель. За последний месяц она расписала три витрины, нарисовала меню для пекарни и двое суток подбирала краску, которая не

сойдёт со старых металлических букв. Всё это мама сумела убрать в два слова про душу.

— А вы не художница?

— Художница. Но это моя работа. А если я встаю в шесть, значит, мне надо в аэропорт или кто-то затопил кухню.

Михаил аккуратно забрал телефон.

— Тогда моя очередь. У меня сестра.

— Что сестра?

— Заполняла анкету. Я попросил помочь с фотографией. Она прислала готовую страницу. Я сказал: «Варь, делай что хочешь, я сейчас занят». Очень неудачная формулировка.

Он показал собственное описание. Активный предприниматель, любитель спонтанных путешествий, большая компания друзей, горные походы. Ищет лёгкую на подъём спутницу.

— У вас там очень грустная палка, — сказала Аня.

Он впервые улыбнулся.

— Это был единственный поход в моей жизни. Я потянул ногу на второй день. На фотографии меня как раз перестали ругать за то, что пришлось возвращаться.

— А предприниматель?

— Настраиваю звук на мероприятиях. Иногда записываю людей в маленькой студии. Работаю на себя. Варя считает, так длинно и несолидно.

Они помолчали. Принесли котлеты. Михаил подвинул к Ане соль, не спросив о её отношении к задержке жидкости

в организме.

— Вы знали, что она переписывается? — спросила Аня.

— До вчерашнего вечера — нет. Вчера она прислала адрес и сказала, что хороших женщин нельзя заставлять ждать, пока я освобожусь. Я решил прийти и объяснить. А вы знали, что я люблю танцевать?

— Ещё нет.

— Хорошо. Не успели обнадёжиться.

Он ел медленно, с видимым удовольствием. За соседним столом отмечали повышение, и каждые несколько минут кто-нибудь произносил тост. Аня ждала обычного вопроса о том, почему такая девушка одна. Михаил вместо этого спросил, чем она испачкала палец.

Она рассказала про букву. Он уточнил, удалось ли избежать ресничек.

Когда принесли счёт, телефон Ани загорелся.

«Не говори сразу, что работаешь на заказ. Мужчины пугаются нестабильности».

Почти одновременно сообщение пришло Михаилу. Он прочитал, снял очки, которые надел, чтобы посмотреть сумму, и потёр переносицу.

— Что у вас? — спросила Аня.

— «Не заказывай котлету. Это не свидание в заводской столовой».

Аня начала смеяться раньше, чем успела положить телефон. Михаил продержался ещё несколько секунд.

Официант, вернувшийся с терминалом, посмотрел на пустые тарелки с профессиональной настороженностью.

— Всё хорошо?

— Очень, — сказала Аня. — У вас замечательные котлеты.

На улицу они вышли без ясного решения, как прощаются люди, которых фактически не существует.

— Вам куда? — спросил Михаил.

— В мастерскую. У меня там сохнет луна.

Он кивнул, словно это был вполне обычный ответ.

— Из чего?

— Фанера. Для витрины пекарни, детям на радость. Если оставить под открытым окном, утром она будет в голубях.

Мастерская находилась в бывшем кинотеатре «Орбита», в пятнадцати минутах ходьбы. Михаилу было по пути до остановки. По дороге они сверили ещё несколько фактов. Ане было тридцать четыре, как в анкете. Рост тоже совпадал. Всё остальное следовало проверять.

Выяснилось, что Михаил не переносит ночёвок в палатке, зато умеет печь пироги. У Ани не было ни одной комнатной фиалки. «Без вредных привычек» означало, что мама не сочла привычку работать до трёх ночи вредной, поскольку плохо представляла её последствия.

У входа в «Орбиту» Аня остановилась. Над дверью сохранился выцветший след от старого названия; буквы лежали теперь у неё на верстаке. Стекланный козырёк давно заменили железным. В пустой кассе устроилась мастерская по заточке ножей, и под окошком висела надпись «СЕГОДНЯ ДО

ВОСЬМИ».

— Приглашать вас посмотреть луну, наверное, странно,
— сказала она.

— После помидоров у меня высокий порог.

Внутри пахло древесной пылью и кофе. Бывшее фойе разделили перегородками. В одной комнате шили одежду, в другой чинили велосипеды. Аня занимала бывшую перемосточную — помещение, где когда-то готовили плёнку к показу. Ей нравились толстые стены и широкое окно, хотя зимой из него дуло.

Луна стояла возле батареи. Большая, бледно-жёлтая, с маленькой дверцей: заказчик хотел поселить на ней игрушечного зайца. На столе сохла табличка «ХЛЕБ», рядом лежали счета, кисти и очищенная от ржавчины буква «Р».

Михаил остановился у порога.

— Можно?

— Если заденете что-нибудь локтем, придётся стать частью заказа.

Он вошёл боком, заметил провод под ногами и переступил через него. Не стал сразу ничего трогать. Это Ане понравилось.

Из коридора появилась Катя, управляющая зданием, с рулеткой на шее.

— Ты очень вовремя. Скажи, нам двенадцать метров гирлянды хватит?

— На что?

— Чтобы выглядело, будто мы знали, что делаем.

Через две недели, в пятницу, Катя собиралась устроить во дворе вечер домашнего кино. Соседи приносили старые семейные записи; из них хотели собрать короткую программу. После ремонта в здании стало больше мастерских, а прохожие по-прежнему считали, что здесь только точат ножи. Кинопоказ должен был напомнить об «Орбите» и познакомить людей с теми, кто теперь в ней работает.

Аня делала афишу и восстанавливала название в счёт части аренды. Остальное Катя оплачивала из небольшого общего бюджета. Человек, обещавший привезти аппаратуру, накануне отказался: ему предложили корпоратив за другие деньги.

— Теперь ишу звук, — сказала Катя. — И человека, который поймёт, почему у проектора всё синее.

Михаил посмотрел в открытую дверь зала.

— Всё синее — это, возможно, он просто ничего не показывает.

— Вот уже полезная мысль.

Аня представила их. Катя сразу спросила о цене. Михаил уточнил длительность, количество зрителей и будет ли доступ в зал, если пойдёт дождь. Они обменялись номерами. Никакой особой скидки он не предложил, и Аня испытала неожиданное облегчение: ей не придётся расплачиваться симпатией за колонки.

Катя ушла измерять двор. Аня закрыла окно, Михаил

помог отодвинуть луну. С обратной стороны фанера была некрашеной и местами исчерченной карандашом.

— Вот эту сторону маме надо было в анкету, — сказала Аня.

Он не ответил. Рассматривал старые буквы на столе.

— Вы их сами снимали?

— С рабочим. Каждая держалась на честном слове и одном злом болте.

— Красивые будут.

Она потянулась за телефоном, чтобы показать, как выглядело название раньше, но увидела три пропущенных от матери. На экране Михаила тоже что-то мигнуло.

— Нас ведь теперь не оставят в покое, — сказала Аня.

— Варе я уже написал, что больше никому не отвечаю от имени спортсмена.

— Моя спросит, когда второе свидание. Если скажу «никогда», заведёт мне альпиниста.

— Можно удалить анкету.

— Нужно. И поговорить.

— С этим сложнее.

Она села на край стола и отломила засохшую каплю краски от рукава.

— Давайте соберём их обеих. В субботу. Здесь. Мама увидит, что акварелью для души у меня занят весь пол. Ваша сестра узнает, что вы умеете сидеть без рюкзака. Каждый скажет о себе что-нибудь настоящее. Потом удаляем страни-

цы. Всё.

Михаил задумался.

— Это будет разговор или показательные выступления?

— Разговор.

— Аня.

Она впервые услышала от него своё имя без вопросительной интонации.

— Ладно. Я хотела немного выступлений.

— Мне не хочется унижать Варю. Она перегнула, но она моя сестра.

Аня опустила взгляд. Про собственную мать она пять минут назад думала именно в выражениях «заслужила» и «пусть посмотрит».

— Хорошо. Без выступлений. Только факты. И без обсуждения наших переписок при посторонних.

— И вообще при посторонних, — добавил он. — Пусть это останется между нами четверыми.

Она согласилась.

На выходе Михаил задержался у луны.

— А заяц будет сам открывать дверцу?

— Нет. Продавец.

— Жалко.

Он сказал это так серьёзно, что Аня решила завтра всё-таки придумать простенький рычажок.

Позже, дома, она обнаружила сообщение с незнакомого номера.

«Это настоящий Михаил. Сестра телефон не отнимала. Спасибо за вечер».

Она написала: «Настоящая Аня тоже благодарит».

Стерла «тоже».

Потом ещё минуту сидела на кухне с телефоном в руке, хотя чайник давно вскипел.

В субботу мама приехала с пирогом и складной сушилкой для белья.

— Это ещё зачем? — спросила Аня.

— Ты говорила, тряпочки негде сушить.

Она действительно говорила. В феврале. Мама запомнила.

Варя принесла контейнер винограда и сразу нашла место, где он не мешал. Она была старше Михаила на четыре года, носила короткую стрижку и всё время проверяла, не поступило ли сообщение от сына. Лёва остался с отцом на выходные, но никак не мог найти у него зарядку от игрушечной рации.

Марина Павловна и Варя поздоровались с довольным видом людей, которые успешно доставили крупногабаритный груз. Аня поняла, что разговор придётся начинать немедленно.

— Мы вас пригласили из-за анкет.

— Всё-таки вы хорошо смотрите, — сказала мама.

Михаил стоял возле чайника, а Аня держала мусорный пакет. Совместная композиция была сомнительной.

— Мам, сядь, пожалуйста.

Четырёх одинаковых стульев не нашлось. Маме достался вращающийся табурет. Аня заранее опустила его до самой

низкой отметки, но он всё равно понемногу поворачивался к стене. Первую важную фразу пришлось произнести матери в профиль.

— Ты не можешь знакомиться с мужчинами от моего имени.

— Я и не знакомилась. Я помогла тебе познакомиться.

— Он спрашивал, люблю ли я собак. Ты отвечала.

— Но ты любишь собак.

— А потом спрашивал, могу ли я представить себя за городом.

— Можешь ведь.

— Я могу представить себя на дне океана. Это не значит, что мне туда надо.

Михаил перестал размешивать чай. Аня вспомнила их уговор и убрала из голоса торжество.

— Ты написала, что я хочу посвятить себя семье. Мы с тобой этого не обсуждали.

— А кому ты хочешь себя посвятить?

Вопрос прозвучал без нажима. Мама и правда хотела знать. От этого стало сложнее.

— Я не собираюсь посвящать себя кому-то целиком. Я хочу работать, встречаться с человеком, ездить куда-нибудь. Может быть, семью. Но не так, будто у меня уже всё решено и осталось найти исполнителя.

Варя открыла контейнер.

— Марина Павловна, на сайте приходится писать кон-

кретно. Если написать «может быть», никто не откликнется.

— Варь, — сказал Михаил. — Я откликнулся. И выяснилось, что мне понравилась её мама.

Марина Павловна поправила воротник. Аня посмотрела в чай, чтобы не засмеяться.

— Ты прекрасно понял, что я имею в виду, — сказала Варя брату. — У тебя без меня была бы фотография, где ты наполовину за колонкой.

— Я там работаю.

— Вот именно. Женщина видит колонку.

— Но если ей нужен походник, всё равно придётся смотреть дальше.

Он говорил негромко. Варя слушала с терпением старшей сестры, которая помнит, как этому человеку объясняли дробь.

— Я не люблю путешествовать без плана, — продолжил он. — Мне нравятся два-три человека за столом. Я не хочу каждую субботу куда-нибудь выбираться. Я иногда целый день дома. И это не временная проблема, которую должна решить подходящая девушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.